

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О переписывании истории отношений Руси с Ордой

И. Я. Фроянов

Для цитирования: *Фроянов И. Я.* О переписывании истории отношений Руси с Ордой // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 196–222. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.114>

В статье анализируются попытки современных исследователей переписать историю русско-ордынских отношений. Особое внимание уделяется трудам А. А. Горского, обладающим рядом несомненных достоинств, к которым можно отнести: подчеркивание опустошительного характера нашествия Батыея; указания на то, что Русь «непосредственно» не вошла в состав Золотой Орды; признание значительного влияния Орды на политическую систему Руси; ряд тонких наблюдений более частного характера и др. В то же время автор статьи не может согласиться с утверждениями А. А. Горского, согласно которым русские признавали легитимность «царской власти» ордынских ханов, считая ее выше княжеской, что вело к отказу от сознательной борьбы против «сюзеринитета» ордынского хана вплоть до правления Ивана III. А. А. Горский не привел убедительных аргументов в пользу легитимности власти ордынских ханов над Русью, да и не мог этого сделать, поскольку власть, установленная посредством насилия со стороны и опирающаяся на внешнюю силу, по определению не является легитимной. Утверждая, что князья воевали только с ханами-узурпаторами, А. А. Горский, вольно или невольно, по мнению автора, подталкивает читателя к мысли о том, что русские выступали защитниками «легитимной» ханской власти, тем самым добровольно надевая на себя ярмо ордынского рабства. Автор статьи, с опорой на исторические факты, показывает, что отнюдь не переосмысление русскими легитимности ханской власти, как утверждает А. А. Горский, а объективные исторические процессы ослабления и распада Орды, с одной стороны, и усиления Руси — с другой, привели к изменению соотношения сил и свержению ордынского ига. Особого внимания, по мнению автора, заслуживает анализ обстоятельств, приведших А. А. Горского к отказу от определения

Фроянов Игорь Яковлевич — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; i.froyanov@spbu.ru

Froyanov Igor Ya. — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; i.froyanov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

ордынского господства над Русью как *ига* и употреблению расплывчатого термина *зависимость*. Подобная трансформация, подчеркивается в статье, объясняется не научными, а конъюнктурными соображениями, связанными с работой А. А. Горского над составлением историко-культурного стандарта. Вышеуказанные построения А. А. Горского, по мнению автора, не только не выдерживают критики при соприкосновении с исторической действительностью, но и работают на дегероизацию русского народа времен монголо-татарского ига, не отличающуюся в принципе от переписывания истории России XX в. (в частности, истории Великой Отечественной войны).

Ключевые слова: А. А. Горский, Русь, Золотая Орда, русско-ордынские отношения, легитимность, ханская власть, князья, ордынское иго, ордынская зависимость, политическая конъюнктура, дегероизация прошлого.

On Rewriting the History of the Relations between Russia and the Horde

I. Ya. Froyanov

For citation: Froyanov I. Ya. On Rewriting the History of the Relations between Russia and the Horde. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 1, pp. 196–222. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.114>

The article analyzes the attempts of modern researchers to rewrite the history of relations between Russia and the Horde. It devotes a particular attention to the works by A. A. Gorsky, which have a number of undoubted merits: emphasizing the devastating nature of Batu's invasion; references to the fact that Russia "directly" was not part of the Golden Horde; recognition of a significant influence of the Horde on the political system of Rus'; other subtle observations of a more peculiar character, etc. At the same time, the author of the article cannot agree with the statements by A. A. Gorsky, according to which, the Russians recognized the legitimacy of the "royal power" of the Horde khans, considering it to be higher than that of princes, which resulted in the refusal of a conscious struggle against the "suzerainty" of the Horde Khan until the reign of Ivan III. A. A. Gorsky did not provide convincing arguments in favor of the legitimacy of the power of the Horde khans over Rus', and he could not do so, since the power established by external violence and based on external force, by definition is not legitimate. Claiming that the princes fought only with the khans-usurpers, A. A. Gorsky, voluntarily or involuntarily, according to the author, leads the reader to the idea that the Russians acted as defenders of the "legitimate" khanate power, thus, freely putting on themselves the yoke of the Horde's slavery. On the basis of historical facts the author of the article shows that it was not a reconsideration of the legitimacy of the khanate on the part of the Russians, as it is asserted by A. A. Gorsky, but the objective historical processes of weakening and decay of the Horde, on the one hand, and strengthening of Russia, on the other hand, which caused changes in the balance and the overthrow of the Horde's yoke. In the author's view, a special attention should be paid to the analysis of circumstances that led A. A. Gorsky to the rejection of perceiving the Horde's dominance over Rus' as *yoke* and his using a vague term "*dependence*" instead. The article stresses that such a transformation can be attributed to opportunistic, rather than scholarly, considerations related to A. A. Gorsky's involvement in the developing of the historical and cultural educational standards. The above-mentioned statements by A. A. Gorsky, in the opinion of the author, do not stand up to criticism if considered against the historical reality, and also contribute to the de-heroization of the Russian people during the Tatar-Mongol yoke, which, in principle, does not differ from the rewriting of the history of Russia of the 20th century (for example, the history of the Great Patriotic War).

Keywords: A. A. Gorsky, Rus', Golden Horde, Russian-Horde relations, legitimacy, khan's power, princes, Horde yoke, Horde dependence, political conjuncture, de-heroization of the past.

Во времена общественных перемен и потрясений, сопровождаемых обычно обострением противоречий между социальными группами и классами, происходит усиление идеологической борьбы, одним из инструментов которой становится история, исторические знания, приспособляемые к интересам этих групп и классов. Нынче такого рода идейную манипуляцию именуют *переписыванием истории*.

Когда у нас говорят о переписывании истории, то обычно понимают события XX в. и прежде всего Великую Отечественную войну, ее начало, ход и результаты, подвергаемые сейчас сознательному пересмотру недругами России и русского народа. Цель тут понятна: она заключается в стремлении дегероизировать наше недавнее прошлое, стереть в памяти народной величие Победы СССР над фашистской Германией. Однако следует признать и то, что аналогичное переписывание затронуло в последнее время и глубинные пласты отечественной истории, в частности, эпоху русско-монгольских отношений XIII–XV столетий. Внешне это похоже на развитие идей, принадлежащих Л. Н. Гумилеву, «последнему евразийцу», как он сам себя именовал¹. В построениях этого несомненно выдающегося ученого присутствовал элемент эмоциональности. «Ради истины, — говорил он, — а не ради псевдонаучной, политической или какой-то другой конъюнктуры я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы. Они в нашей крови, в нашей истории, в нашем языке, в нашем мироощущении. Мне кажется совершенно естественным вот такое представление: какими бы ни были реальные различия с русскими, татары — это народ не вне, а внутри нас»². Я не уверен в том, нуждаются ли татары, оставившие в мировой и русской истории ощутимый след, в защите Гумилева, но точно знаю: столь эмоциональная сверхзадача, введенная в процесс исторического исследования, неизбежно влечет за собой утрату объективности восприятия истории.

И вот получается, будто «у нас есть основания называть поход [монголов] на Русь набегом. Ни о каком монгольском завоевании Руси не могло быть и речи»³. А значит, не было ига,⁴ но были союз⁵ и дружба, которые принесли Северо-Восточной Руси покой и порядок, обеспечив ее безопасность и, следовательно, историческое будущее⁶. Перед нами личная точка зрения ученого, отличающаяся, быть может, некоторой экстравагантностью, но имеющая, безусловно, право на существование, несмотря на всю свою проблематичность. Однако негативная ее сторона состоит в том, что она, став рычагом политических спекуляций⁷, обернулась бурным потоком околонуч-

¹ По справедливому замечанию А. Ю. Дворниченко, «Гумилев фактически утрировал взгляд евразийцев» на взаимоотношения Руси и Орды. — Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 176.

² Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 323.

³ Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 108–109.

⁴ Там же. С. 169. Историк относил иго к разряду мифов. — Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. С. 357.

⁵ Одну из частей своей книги «От Руси до России», повествующей о русско-татарских отношениях, Гумилев так и назвал: «В союзе с Ордой». См.: Гумилев Л. Н. От Руси до России. С. 81.

⁶ Там же. С. 114, 116, 117, 120, 122, 131, 156, 157; Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. С. 286, 308, 329, 334, 347, 349, 358, 359 и др.

⁷ К этому в известной мере предрасполагало и то обстоятельство, что в отечественной историографии вопрос об отношениях Руси с Ордой временами приобретал политизированное звучание, о чем писал в свое время М. К. Каргер: «Вопрос о роли монгольского завоевания для последующих исторических судеб Среднего Поднепровья и стольного города разоренной Киевской земли... был

ных изданий, заливших книжный рынок. Появилось множество книг с крикливыми названиями, где подвергаются пересмотру устоявшиеся в науке взгляды относительно существования русско-ордынских отношений. Все это подается в ореоле сенсационных открытий в исторической науке, а по существу является переписыванием русской средневековой истории⁸. И тут было бы, как говорится, полбеда, не случись того, что перекройкой русско-монгольских связей стали заниматься, казалось бы, солидные ученые-историки, работающие в довольно авторитетных учреждениях. Назову, к примеру, А. А. Горского — профессора кафедры истории России до XIX в. исторического факультета МГУ, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН и, так сказать, потомственного историка.

Профессор Горский написал несколько книг по обсуждаемой здесь проблематике, одна из которых непосредственно посвящена русско-ордынским отношениям и называется соответственно «*Москва и Орда*». В этой книге, как и в других работах автора, речь преимущественно ведется о конкретных связях Руси и Орды, обозреваемых автором в исторической последовательности. В меньшей мере он затрагивает вопросы, относящиеся к вопросу о *влиянии, воздействии* монголо-татар на общественную жизнь (экономическую, политическую, культурную и пр.) Русских земель. Тем не менее в ряде случаев А. А. Горский высказывает свои соображения и на сей счет.

В 1237–1238 гг. Северо-Восточную Русь, по словам историка, «постигла катастрофа: полчища Монгольской империи, возглавляемые внуком ее основателя Чингисхана Бату (Батыем), разорили Владимиро-Суздальское княжество»⁹ и ушли в половецкие степи. Но то было лишь начало: Батый затем «разорил огромную территорию (все русские земли, кроме Новгородской, Полоцкой и частично Смоленской), взял десятки городов»¹⁰. Горский, стало быть, в отличие от некоторых новейших исследователей, подчеркивает опустошительный характер нашествия татар. И в этом он прав. Справедливо, на мой взгляд, и его мнение о том, что покоренная завоевателями Русь «не вошла непосредственно в состав Орды, осталась под властью своих князей. Новым было то, что в Восточной Европе появился центр верховной власти, находившийся вне русской территории»¹¹.

поднят в нашей исторической науке давно и с тех пор неоднократно вновь и вновь дебатировался в русской, украинской и польской историографии. Необходимо подчеркнуть, что проблема эта обсуждалась почти всякий раз в обстановке чрезвычайного политического накала. Вопрос, касающийся, казалось бы, очень отдаленного периода в жизни нашей страны, нередко становится плацдармом острых политических дискуссий и не раз использовался для обоснования различных, порой весьма далеко идущих политических концепций» (*Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л., 1958. С. 488). Следует также согласиться с Ю. А. Кривошеевым, когда он говорит, что «в русской историографии присутствует ряд довольно сильно политизированных сюжетов. Так, в области начальной русской истории — это “норманнская проблема”. Сюда же относится вопрос о монголо-татарском нашествии и иге» (*Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII — XIV вв. СПб., 2015. С. 77). См. также: *Кривошеев Ю. В.* Собранное. СПб., 2010. С. 158.

⁸ См., напр.: *Широкопад А. Б.*: 1) Русь и Орда. М., 2004; 2) Татары и русские в едином строю. М., 2012; *Шляхторов А. Г.*: Как Золотая Орда озолотила Русь. Не верьте лжи о «татаро-монгольском» иге. М., 2014; *Пензев К. А.* 1) Русский царь Батый. М., 2012; 2) Русь татарская: иго, которого не было. М., 2013.

⁹ *Горский А. А.* «Всего исполнена земля русская...» Личности и ментальность русского средневековья: очерки. М., 2001. С. 42.

¹⁰ *Горский А. А.* Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016. С. 145.

¹¹ Там же. С. 167.

Однако тут же автор пускается в рассуждения, которые при всем желании принять никак нельзя. Оказывается, «эта власть имела более высокий ранг, чем власть русских князей, — она была *царской*. Со временем подчинение ордынскому “царю” вошло в традицию, и русским князьям крайне сложно было ее преодолевать»¹². Сие означает, что некое идеалистическое преклонение перед *царской властью* ордынских ханов, а не их грубая и жестокая сила, сопровождаемая военным и политическим террором (нашествия, набеги, массовые убийства и пленения, княжеские казни и пр.), смиряло русских князей перед этой властью. Трудно выдумать более вычурную мысль, если не счесть ее сознательным искажением нашего прошлого. Но Горский, к сожалению, не останавливается на этом. «Кроме того, — говорит он, — и в XIV, и даже в XV веке на Руси жили опасения, что правители Орды от взимания дани с сохранением русских князей у власти перейдут к непосредственному управлению. Принципиально иной в сравнении с большинством завоеванных монголами стран, опосредованный характер власти над Русью, по-видимому, расценивался как меньшее из возможных зол, которое лучше терпеть, дабы оно не переросло в зло несравненно худшее — непосредственное владычество ордынских ханов и их администрации в русских городах»¹³. Подобные опасения, а главное, убеждение в превосходстве *царской* власти ордынских ханов над *княжеской* властью сковали волю русских к сопротивлению господству завоевателей: «Что касается борьбы за освобождение, то нарастающая борьба против “ига” не прослеживается — ни со стороны князей, ни со стороны народных масс»¹⁴. А дальше — еще пуще: «Сознательная борьба за ликвидацию сюзеренитета ордынского хана — “царя” — не прослеживается вплоть до княжения Ивана III. Ранее можно говорить об актах сопротивления представителям ордынской власти, о случаях неподчинения князей конкретной ханской воле, о конфронтации с Ордой, возглавляемой фактическим узурпатором власти (Мамаем и Едигеем), об обороне своих территорий от походов ордынских войск — но за всем этим не стояло стремление полностью покончить с зависимостью. В глазах московских правящих кругов “царь” (если он реально правил в Орде) являлся легитимным сюзереном великого князя. Только к концу правления Василия II и в начале правления Ивана III, когда начала действовать идея перехода к московским великим князьям из павшей Византийской империи царского достоинства, несовместимого с признанием власти ордынского царя, стали происходить сдвиги. В результате после успешно отраженного похода Ахмата 1472 года в Москве возобладало (и то не без борьбы) мнение о возможности непризнания вассальных отношений с “царем”, и выплата дани была прекращена. Отражение нашествия 1480 года закрепило суверенный статус Московского государства. Непосредственные рычаги сдвига в отношениях с Ордой кроются, таким образом, не столько в изменениях соотношения сил, сколько в переменах в восприятии иноземной власти общественным сознанием (другое дело, что эти перемены происходили, разумеется, под влиянием событий в политическом развитии Орды, Руси и Восточной Европы в целом). Как имевшие место периоды длительного фактического непризнания ордынской власти (при Мамае и Едигее), так и само освобождение от ордынской зависимости были иницииро-

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 167–168.

¹⁴ Там же. С. 167.

ваны не ослаблением Орды, а неприятием по тем или иным причинам ее правителей в качестве законных сюзеренов московских князей. Пока легитимность власти ордынских “царей” не подвергалась сомнению, даже крупная военная победа (на Куликовом поле) не означала ее свержения; но стоило этой легитимности оказаться под сомнением, как падение “ига” стало неизбежным, причем произошло это почти бескровно. Таким образом, хотя объективно противостояние Орде было одним из ведущих факторов формирования Московского государства, субъективно для осознания борьбы и полного освобождения от зависимости потребовалось преодоление прочно укоренившегося представления о легитимности верховной власти хана Орды над Русью»¹⁵.

Эти суждения А. А. Горского, претендующего на роль серьезного историка, производят, по меньшей мере, странное впечатление. Они идут против течения мысли многих поколений выдающихся русских (дореволюционных и советских) историков, говоривших о длительной, более чем двухвековой героической борьбе нашего народа против иноплеменного порабощения и гнета. Тем самым Горский “лихо”, “на скаку”, перечеркнул один из важнейших героических периодов отечественной истории, что, увы, роняет его научный авторитет, превращая историка в сторонника и проводника идей нынешней либеральной публики, занятой дегероизацией прошлого нашей страны. Но допустим на момент правоту Горского, явившегося среди толпы заблудших историков и прозревшего мрак прошлого. В таком случае он должен был предъявить ученому сообществу более солидные доказательства, не упрощая проблему до чисто субъективных переживаний — осознания легитимности ханской власти или отсутствия оной. Он должен был привести аргументы, доказывающие принципиальную возможность легитимности иноземной¹⁶, т. е. чужеродной Руси власти (как бы она ни называлась — *ханской* или *царской*), навязанной и поддерживаемой сторонней грубой военной силой посредством террора, а лишь потом рассуждать о *законном сюзеренитете* монгольских ханов над русскими князьями. Горский не приводит подобных аргументов, да, собственно, и не мог привести их, поскольку легитимность власти есть элемент внутривосточного развития того или иного общества, не привнесенный извне, т. е. спонтанный по своей сути. Вот почему власть, установленная посредством насилия со стороны и опирающаяся на внешнюю силу, изначально и по определению не является легитимной. А это означает, что конструкция легитимности власти ордынских ханов на Руси, выдуманная Горским, не выдерживает соприкосновения с реальной исторической действительностью. То же самое надо сказать и о «законном сюзеренитете» монгольских ханов относительно русских князей, проповедуемом Горским.

Однако, вопреки этой, казалось бы, очевидности, Горский настойчиво, как мы убедились, твердит о «прочно укоренившейся» в сознании русских людей мысли насчет «легитимности верховной власти хана Орды над Русью». Вплоть до княжения Ивана III он не обнаружил фактов, свидетельствующих о целенаправленной

¹⁵ Там же. С. 168–169. — Ранее нечто схожее, но в самой общей форме высказывал В. Д. Назаров: «Свержение ига требовало не только военной, дипломатической, материальной подготовки, но преодоления традиций в сфере идей и чувств» (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 22).

¹⁶ К тому же иноверной, внушающей русским людям полное неприятие.

борьбе русского народа и его князей за освобождение от власти Орды, за «ликвидацию сюзеренитета ордынского хана (“царя”»)). Все антиатарские выступления, восстания и войны (включая даже Куликовскую битву) Горский сводит к актам сопротивления населения русских княжеств некоторым представителям ордынской власти, к отдельным случаям «неподчинения князей конкретной ханской воле», к их раздорам с Ордой, когда там правили узурпаторы власти (Мамай, Едигей...), наконец, к обороне князьями «своих территорий от походов ордынских войск». Во всем этом Горский не находит стремления «полностью покончить с зависимостью». Перед нами неспособность исследователя уловить различие между субъективной и объективной сторонами дела. Будь иначе, он не стал бы, наверное, столь решительно отрицать наличие у русского народа стремления покончить с ордынской зависимостью — ведь какими бы субъективными мотивами ни руководились русские, вступая в борьбу с монголами, объективно эта борьба вела к ликвидации монголо-татарского ига¹⁷. Особенно красноречивы здесь победы русского воинства в сражениях на р. Воже и Куликовом поле, ставшие переломными событиями в противостоянии Руси Орде и вдохнувшие в наших предков уверенность в окончательной победе над угнетателями, а также стремление достичь ее, невзирая ни на какие трудности, потери и жертвы. Это, собственно, и есть сознательное движение к цели, которое Горский, подобно известному крыловскому персонажу, «не приметил».

Проглядывает в приведенных рассуждениях А. А. Горского еще одно слабое звено, связанное с вопросом о так называемой «легитимности» власти монгольских ханов над Русью. Говоря о том, будто русские вступали в конфронтацию с Ордой, когда ею управляли незаконные ханы-узурпаторы наподобие Мамаия и Едигея, историк, независимо от своего желания (хочет он того или нет) подталкивает читателя к выводу о том, что московские князья, воюя с ложными ханами, выступали на стороне настоящих ханов-чингизидов, т. е. действовали в качестве защитников института подлинной, «легитимной» ханской власти. Другими словами, русские сами на себя надевали ярмо ордынского рабства. Но ведь это, прошу прощения, несусветная чушь!

Поверхностной и надуманной представляется идея Горского о том, будто «непосредственные рычаги сдвигов в отношениях» Руси с Ордой крылись «не

¹⁷ А. А. Горский настаивает на ином: «серия восстаний в городах против иноземной власти как этап борьбы за освобождение, карательные походы в ответ на восстания или с целью устрашения — должен отпасть. Народные восстания не складываются в единую цепочку, их причины различны, цель полного освобождения от власти ордынских ханов ни в одном из них не просматривается» (*Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 128*). Но если народные массы, больше, чем знать страдавшие от ордынского гнета, не помышляли об освобождении от власти завоевателей, то что говорить о верхушке русского общества и, в частности, о князьях: «До второй половины XIV столетия сюзеренитет Орды над Северо-Восточной Русью не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли. Акты сопротивления татарам... были связаны с междукняжескими конфликтами на Руси (князья могли оказываться в конфронтации с ханом, поддерживавшим их соперников), а не с осознанной борьбой за полное уничтожение зависимости» (*Горский А. А. Москва и Орда. М., 2016. С. 84*). Трудно взять в толк, почему русские не могли осознать, что поначалу они не обладали ни силами, ни средствами, чтобы свергнуть власть кочевников, а потому надо копить мощь и ждать победного часа, прибегая лишь к отдельным антиатарским выступлениям. Странно, что Горский не может уразуметь такой простой вещи, наделяя наших предков глупостью, безволием и раболопием.

столько в изменениях соотношения сил» противоборствующих сторон, «сколько в переменах в восприятии иноземной власти общественным сознанием» русских, будто «непризнания ордынской власти (при Мамае и Едигее) и само освобождение от ордынской зависимости были инициированы не ослаблением Орды, а неприятием... ее правителей в качестве законных сюзеренов московских князей». О «легитимности» ханской власти на Руси и «сюзеренитете» татаро-монгольских ханов над русскими князьями речь у нас уже шла. Теперь — об изменениях в сфере соотношении сил русских и татар, а также об ослаблении Орды, чему в деле освобождения Руси «от ордынской зависимости» Горский не придает должного значения.

Не думаю, что после тяжелейшего политического кризиса, пережитого Золотой Ордой во второй половине XIV в., после сокрушительного удара, нанесенного Орде Тамерланом (Тимуром) в конце того же столетия, после наступившего вскоре распада Золотой Орды на несколько ханств (Большая Орда, Казанское, Крымское, Ногайская Орда и др.) татары не ослабили и не произошли изменения в соотношении сил Русского государства и Монгольского в пользу первого. Факт распада Орды и объединения северо-восточных княжеств вокруг Москвы этому решительно противоречит. Всякому не зашоренному предвзятостью исследователю ясно: Москва усиливалась, а Орда слабела, т. е. происходило изменение былого соотношения сил, когда монголо-татары преобладали над русскими¹⁸.

Довольно явственно (как итог произошедших перемен) это проявилось в военных столкновениях Руси и Орды середины — второй половины XV в. Так, в 1459 г. «татарове» хана Большой Орды Сеид-Ахмета, «похвалився», по выражению летописца, «на Русь пошли». Но перейти русскую границу они не смогли, поскольку «князь велики Василеи отпустил противу их к Берегу (Оке) сына своего великого князя Ивана со многими силами», которые стали непреодолимой преградой на пути вражеского войска. И татары... побежали. По словам знатока эпохи Ю. Г. Алексеева, на Оке в 1459 г. произошло «действительное знаменательное событие. Была одержана важная победа по меньшей мере тактического масштаба: впервые за всю историю борьбы с Ордой удалось отстоять оборонительную линию Оки и предохранить Русскую землю от очередного опустошительного вторжения»¹⁹. Или взять другой пример, относящийся к хану Ахмату, сменившему Сеид-Ахмета на ханском столе. То был незаурядный татарский властитель. Ю. Г. Алексеев, характеризуя его, пишет: «Давно уже во главе Орды не стоял деятель такого масштаба. Политический кругозор Ахмата был широк — он вел переговоры даже с Венецией. О его полководческих дарованиях можно судить по победам над узбекским ханом Хайдером и над Менгли-Гиреем»²⁰. Ахмат отличался умом, честолюбием и осторожностью²¹. Следовательно, он обладал достаточными способностями, чтобы учинить большие неприятности Руси — если не покорить ее, как это было во времена Батыея, то, во всяком случае, потрясти, подобно Тох-

¹⁸ «Распад Золотой Орды и соперничество между отдельными улусами ослабляли силы завоевателей», — обоснованно говорил В. В. Каргалов (*Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984. С. 69*).

¹⁹ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 65.

²⁰ Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 121.

²¹ Там же.

тамьшу в 1382 г. Однако ни того ни другого ему проделать не удалось, и прежде всего по той причине, что хан был повернут в прошлое, тянул в прошлое, идя наперекор поступательному развитию России, о чем емко заявил Ю. Г. Алексеев: «Основным недостатком Ахмата как государственного деятеля было отсутствие политической перспективы. Его программа носила чисто консервативный характер. Он мечтал о восстановлении империи Чингизидов на прежних, изживших себя основаниях. Но это и не могло быть иначе. Наследник Чингис-хана и Батыея, Ахмат был носителем традиции архаической кочевой империи, хищнической по самой своей природе, с примитивной экономикой, неспособной к восприятию явлений Нового времени. В своем лице Ахмат воплощал уходящий в прошлое идеал власти, основанной на жестком, грубом диктате над многоязычными народами Востока»²².

Тем не менее в 1460 г. Ахмат напал на Русскую землю, но, по-видимому, опасаясь идти вглубь ее территории, ограничился осадой Переяславля-Рязанского²³. Несмотря на старания, взять город ему все-таки не удалось, и хан вынужден был «с великим срамом» отступить. Ахмат убедился, что в одиночку ему с Москвой не совладать, что ему нужны союзники. И он задумал создать антирусскую коалицию, «основой которой должен был стать союз с Литвой. Казимир Литовский со своей стороны стремился к такому союзу в интересах дальнейшей экспансии против Руси и сохранения власти над русскими землями, захваченными в прежние времена»²⁴. Н. С. Борисов объясняет тягу Орды к союзу с Литвой (а Литвы с Ордой) геополитическими мотивами: «Логика геополитических отношений подталкивала Волжскую Орду к союзу с Великим княжеством Литовским. Литва, в свою очередь, искала среди татарских ханов союзников для войны с Москвой. В результате в 1471 году по инициативе короля Казимира IV между Вильно и Сараем начались переговоры о совместных действиях против Ивана III»²⁵. Вряд ли Ахмат и Казимир мыслили тогда сложными геополитическими категориями. Дело, на мой взгляд, обстояло проще, главным образом в военном плане: можно ли собственными силами без помощи со стороны сокрушить Московского великого князя и установить незыблемую власть над Русью — так стоял вопрос. И Ахмат приходил к неутешительному выводу — нельзя. Отсюда его стремление наладить союзнические отношения с Литвой. Однако, как бы то ни было, договоренность татарской и литовской сторон о союзе, судя по всему, состоялась²⁶, после чего Ах-

²² Там же.

²³ «Победа русских войск на Оке в 1459 г., — замечает Ю. Г. Алексеев, — произвела, видимо, сильное впечатление на ордынцев. Когда летом следующего 1460 г. хан Ахмат... предпринял очередной поход на Русь, он ограничился нападением на Переяславль-Рязанский на правом берегу Оки». — Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 65.

²⁴ Там же. С. 66.

²⁵ Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 415.

²⁶ По В. В. Каргалову, «сообщения о стоворе Ахмед-хана с Литвой представляются вполне достоверными. Из Большой Орды только что возвратился королевский посол Кирей Кривой, которого раньше не отпускали [из Орды] лишь потому, что Ахмед-хану “не бе бо ему с чем отпустить”. Теперь же положение изменилось: Ахмед-хан двинулся к русским рубежам “со многими силами”. О стоворе с Королем Казимиром IV свидетельствует маршрут похода — через литовские владения к Алексиному, и наличие в ордынской армии местных проводников. Летописцы прямо указывали, что Ахмед-хан “поиде изгоном на великого князя не путма, с проводники, и приведше его проводники под Олексин городок с Литовского рубежа”, “приведены бо быша нашими же на безлюдное место”.

мат пошел в поход на Русь.²⁷ Было это в 1472 г. На пути, который в этот раз избрал хан²⁸, лежал небольшой русский городок Алексин, оказавший татарам упорное сопротивление. С большим трудом и потерями татары все же взяли и сожгли Алексин, но развить успех не смогли. На берегу Оки их встретила мощная московская рать — «многие полки великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко серебро блистаючи и въоружени зело». Ахмат не стал форсировать реку. Объятый, по словам летописцев, «страхом и трепетом», хан побежал прочь, опасаясь «вступать в большое сражение с главными силами русских войск».²⁹ Союз с Казимиром, как видим, не помог Ахмату,³⁰ а собственных сил ему явно не хватало.³¹ Ю. Г. Алексеев, подводя итог бесславному походу татар, говорит: «Впервые за всю историю ордынского ига хан уходил в степи, не решившись на сражение с русскими войсками. И в этом — решающий морально-политический эффект кампании 1472 г.»³² Но был еще другой, не менее значимый «эффект», на который обратил внимание К. В. Базилевич: «Неудача, постигшая Ахмед-хана, ясно показала слабость военной организации татар, которые не могли быстро сломить сопротивление даже небольшого русского отряда на Оке».³³ Из этого второго «эффекта» вытекал третий — осознание Ахматом бесперспективности одолеть Россию «силами одной Большой Орды»³⁴.

Понятно, что данные эффекты возникли не на пустом месте, а в итоге длительного накопления сил Московской Русью, получившего реальное, правда, эпизодическое отражение в битвах на Воже (1378) и Куликовом поле (1380)³⁵, которые

Показательно, что возле «литовского рубежа» ордынцы оставили свои обозы, жен, больных и слабых, считая это место безопасным». — *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 74.

²⁷ К. В. Базилевич полагал, что нападение Ахмата на Русь обнаружило «существование между ним и королем соглашения о совместных действиях против Москвы» (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001. С. 94).

²⁸ По весьма вероятному мнению К. В. Базилевича, «выбор этого пункта вместо обычного для татар перехода Оки у Коломны вызывался предполагавшимся соединением с Казимиром». Базилевич исходил из предположения о том, что между Казимиром и Ахмед-ханом «было заключено соглашение о совместном выступлении» (Там же. С. 91). Были, по-видимому, у Ахмата в данном случае и тактические соображения, неожиданные для русских. См.: *Алексеев Ю. Г.*: 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 69; 2) Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 148–150.

²⁹ *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 71.

³⁰ «Король на эту войну не явился» (*Борисов Н. С.* Иван III. С. 415).

³¹ По словам В. Д. Назарова, «форсирование Оки сходу отрядами Ахмада успеха не имело. Не рискнул хан и перейти к длительным действиям с целью навязать генеральное сражение подтянувшимся главным силам Русского войска. Поспешный отход был вызван и невыполнением Казимиром своих обещаний» (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 33).

³² *Алексеев Ю. Г.* Государь всяя Руси. С. 90. — В другой раз Ю. Г. Алексеев говорит: «Отступление хана от Оки означало фактическую победу русских войск — они заставили противника отойти без сражения. Таков главный смысл событий, развернувшихся в районе Алексина» (*Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 151). При этом Ю. Г. Алексеев замечает, что «одной из важнейших причин успешного отступления Ахмата стала смертоносная язва, открывшаяся в его войске»: «возможно, отступление ордынцев было ускорено появлением в их войске «смертоносной язвы», о чем пишет московский летописец: «начаша бо напрасно умирати мнози в полце их»» (*Алексеев Ю. Г.*: 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 71; 2) Походы русских войск при Иване III. С. 151).

³³ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 94.

³⁴ *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 77.

³⁵ «Куликовская битва нанесла Орде страшный удар и приблизила час возрождения независимого Русского государства». — *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. М., 1986. С. 26.

также имели под собой определенную подготовительную почву предшествующей борьбы с татарами. Названные эффекты прорастали постепенно и на первых порах едва заметно. Начало явственных и зримых перемен в соотношении сил Руси и Золотой Орды следует, по всей видимости, отнести к середине XIV в., когда разыгралась в Орде «великая замятня», что, кстати сказать, свидетельствовало об ослаблении татаро-монгольского государства, о начале движения его по наклонной плоскости, хотя и с временными остановками, задержками, — движения, в ходе которого вызревал медленный, но неуклонный перевес сил Руси над Ордой. Иными словами, Орда слабела, а Русь набирала силы, что и засвидетельствовали, помимо прочих, события 1472 г.: «основная причина победы на Оке в 1472 г. — создание на Руси централизованного государства, располагающего гораздо большими материальными и моральными возможностями, чем прежние союзы князей. Необходимо подчеркнуть, что летом 1472 г. русское правительство и командование проявили большое дипломатическое искусство, полностью реализовав свои объективные преимущества»³⁶.

Поражение татар в 1472 г.³⁷ «имело далеко идущие последствия. Власть Большой Орды была значительно ослаблена. Это нашло отражение в существенном уменьшении дани. Известно, что в середине XV в. “ордынский выход” составлял 7 тысяч рублей, а после неудачного похода 1472 г. ... сократился почти вдвое, до 4200 рублей; в 1475 или 1476 г. выплата дани вообще прекратилась»³⁸. Ахмат, однако, цепляясь за прежний порядок, никак не мог уразуметь, что времена переменились и Русь уже не та, какой была при Батые или Узбеке. Он, если верить «Казанскому летописцу», источнику более позднему, «посла к великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отец своих и з басмою, просити дани и оброки за прошлые лета. Великий князь ни мало убоясь страха царева, и приим басму лица его и плевал на ню, излома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своими, и гордых послов его всех изымати повеле, пришедших к нему дерзостно, а единого отпусти жива, носяща весть к царю, глаголя: “Да яко же сотворил послом твоим, тако же имам и тебе сотворити, да порестаниши, беззаконниче, от злаго начинания своего еже стужати”»³⁹. Царь от этих слов Московского великого князя пришел якобы в дикую ярость и, «гневом дыша», велел собираться в поход на Москву⁴⁰. Этот яркий рассказ «Казанского летописца» привлек внимание многих отечественных историков и вызвал разное к себе отношение.

И надо сказать, что в исторической литературе, как старой (С. М. Соловьев,⁴¹ Д. И. Иловайский⁴²), так и новейшей (К. В. Базилевич,⁴³ Ю. Г. Алексеев,⁴⁴ Н. С. Бо-

³⁶ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 76.

³⁷ «То, что это было именно поражение, несмотря на отсутствие генерального сражения, не вызывает сомнений: ни одна из целей похода не была достигнута, ордынцы понесли значительные потери и поспешно отступили». — Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 76.

³⁸ Там же. См. также: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 108.

³⁹ ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 6–7, 200–201.

⁴⁰ Там же. Стб. 7, 201.

⁴¹ Соловьев С. М. Соч. Кн. III. М., 1989. С. 74.

⁴² Иловайский Д. И. Собиратели Руси. М., 1996. С. 419.

⁴³ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 110–111.

⁴⁴ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. С. 139.

рисов⁴⁵), бытует мнение относительно недостоверности приведенного рассказа «Казанского летописца» и, стало быть, его непригодности как исторического источника. Какие претензии к рассказу «Летописца»? К. В. Базилевич пишет: «В этом рассказе допущены крупные хронологические ошибки, начиная от неверной даты прихода Ахмед-хана на Угру (6909 г. вместо 6988 г.). Основная часть Казанского летописца составлена во второй половине XVI в. Но Г. Кунцевич допускает, что некоторые главы, в том числе “о запустении Орды”, являются более поздней вставкой. Этим, по его мнению, объясняется и невозможное для автора-летописца, пробывшего двадцать лет в Орде, представление о басме как изображении хана, тогда как мусульмане не допускали человеческого изображения. Вполне понятно поэтому, что рассказ Казанского летописца вызвал среди историков законное недоверие. ... Причина недоверия к рассказу Казанского летописца заключается не только в хронологическом несоответствии и в фактических ошибках, но также и в том, что этот рассказ, как правильно отметил еще Иловайский, не соответствовал образу действий Ивана III по отношению к Большой Орде. Поругание басмы и умерщвление татарских послов должны были явиться открытым вызовом Ахмед-хану, за которым последовало бы выступление последнего. Но такой вызов не мог быть сделан ни перед походом Ахмед-хана в 1472 г., ни перед вторичной попыткой его прорваться к Москве в 1480 г. И в первом, и во втором случае выступление Ахмед-хана произошло в моменты обострения отношений Ивана III с Казимиром, вызванного главным образом новгородскими делами. В обоих случаях для выступления было выбрано очень удобное время. Понятно, что Иван III не стал бы в эти моменты дразнить своего противника, толкая его на союз с королем, которого великий князь считал своим главным врагом — “большим недругом”»⁴⁶. Что можно сказать по поводу этих размышлений К. В. Базилевича?

Некритическое отношение к источнику, так же как и гиперкритическое, противоположны историку. К сожалению, у К. В. Базилевича прослеживаются некоторые элементы чрезмерной придирчивости к рассказу «Казанского летописца». Так, он говорит, что в данном рассказе «допущены крупные хронологические ошибки, начиная от неверной даты прихода Ахмед-хана на Угру (6909 г. вместо 6988 г.)». Однако множественное число слов *хронологические ошибки* здесь неуместно, поскольку перед нами единственная *хронологическая ошибка*, ибо других нет. Поэтому автор мог бы сказать по поводу так называемых «хронологических ошибок» следующее: *начиная от неверной даты и кончая ею*. Это — во-первых. Во-вторых, упоминаемый К. В. Базилевичем ошибочный год (6909) фигурирует в наиболее древней редакции «Казанского летописца» (Соловецкий список)⁴⁷. Однако в тексте древнейшего списка, хотя и более поздней редакции (список Румянцевского музея)⁴⁸, приводится иная дата прихода хана Ахмата на Угру, очень близкая действительной, — 6989 год⁴⁹. К. В. Базилевич проходит мимо этой интересной детали, а зря, поскольку

⁴⁵ Борисов Н. С. Иван III. С. 429–430.

⁴⁶ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 110–111.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XIX. С. XXVIII.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Стб. 201. — Кстати сказать, Н. С. Борисов, описывая события, относящиеся к истории русско-ордынских отношений 70-х годов XV в., пользуется именно этим списком. См.: Борисов Н. С. Иван III. С. 429.

она могла бы натолкнуть его на мысль о том, что так называемая «хронологическая ошибка», вкрапшаяся в текст «Казанского летописца», принадлежит, скорее всего, переписчикам, редакторам памятника. Столь же не просто и однозначно обстоит дело с басмой (своеобразной верительной дощечкой), на которой будто бы, по смыслу летописного рассказа, изображен хан, что, согласно Базилевичу, невозможно, поскольку тогдашние «мусульмане не допускали человеческого изображения». При сличении списков «Казанского летописца» (Соловецкого и Румянцевского музея), опубликованных в 19-м томе ПСРЛ, обнаруживается малозаметное различие, — быть может, мелкое, но показательное. В Соловецком списке и ряде других читаем фразу *приим басму лица его*,⁵⁰ тогда как в списке Румянцевского музея значится нечто иное — *приим басму, лице его*.⁵¹ Не кроется ли в словах *лица его* и *лице его* смысловое различие? Нельзя ли слова *приим басму лица его* истолковать в смысле *принял басму от лица его*? К. В. Базилевич не ставит подобных вопросов, но, думается, тут есть еще над чем поразмыслить...

Следует заметить, что не все историки скептически относились к рассказу «Казанского летописца». В. В. Каргалов, например, считал 70-е годы «переломным этапом в русско-ордынских отношениях, что нашло отражение в записи Казанского летописца. Ахмед-хан послал посольство в Москву с требованием дани и личной явки Ивана III на ханский суд, однако его требования были отклонены. Ахмед хан “посла к великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отец своих и з басмою, просити дани и оброки за прошлая лета. Велики же князь приим басму и плевав на ню, изломав ея, и на землю поверже, и потоптан огама своими, и гордых послов всех изымати повеле, а единого изымати повеле, а единого отпусти живе...”»⁵² Не станем упрекать автора в некоторых пропусках или неточном цитировании летописного текста. Важнее сейчас указать на признание В. В. Каргаловым «Казанского летописца» как источника, достойного доверия исследователей.

В самом деле, если отвлечься от эмоциональной стороны дела и некоторых прикрас в рассказе о поведении великого князя, надо согласиться с тем, что главная причина раздражения и гнева Ахмата состояла в нежелании Ивана III являться в Орду с выражением покорности хану и неуплате «выхода» (дани)⁵³. Московский князь, следовательно, в одностороннем порядке разрушил систему, на которой основывались давние связи Руси с Ордой. По словам В. В. Каргалова, «это делало войну неизбежной. Только путем большой войны, причем обязательно с решительным исходом, Ахмед-хан мог надеяться на восстановление своей власти над непокорными русскими землями. Война стала для него политической необходимостью. С другой стороны, только путем военного отпора Иван III мог окончательно свергнуть ордынское иго. Обе стороны готовились к войне»⁵⁴. При этом русский государь трезво оценивал свои возможности и силы и потому так резко и уверенно

⁵⁰ ПСРЛ. Т. Стб. 7, 200 (варианты, 67).

⁵¹ Там же. Стб. 200.

⁵² Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 76.

⁵³ Ахмат говорил посланцу великого князя боярину Федору Товаркову: «Пришел я на Ивана деля, а за его неправду, что ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятой год. Придет ко мне Иван сам, почнутся ми о нем мои рядцы и князи печаловати, ино как будет пригоже, так его пожалую». Хан требовал, чтобы Московский князь ходил у его «стремени», т. е. по-старому служил ему, как то было при прежних ханах. См.: ПСРЛ. Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 265.

⁵⁴ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 76–77.

шел на разрыв с Ордой, тогда как Ахмат утратил способность объективной оценки сложившейся к тому времени исторической ситуации.

Соблазн вернуть былую власть над Русью, поставить ее на колени был столь велик, что Ахмат, пренебрегая опытом 1472 г., снова пошел на Москву. Ему, по видимому, вскружили голову успехи «в Южном Поволжье и Средней Азии. В конце 70-х гг. Ахмат одерживает победу над узбекским ханом Шейх-Хайдером и устанавливает протекторат над Астраханским ханством. Эти бесспорные успехи значительно укрепляют военно-политическое положение Большой Орды и ее хана и способствуют росту его великодержавных амбиций. Именно в этот период он официально именуется в письме к султану единственным из «чингисхановых детей», заявляя тем самым претензии на наследие этого завоевателя. Итак, на рубеже 70–80-х гг. произошло существенное усиление военного могущества Большой Орды, и тем самым возросла опасность агрессивной политики Ахмата, направленной на реставрацию мировой империи Чингизидов».⁵⁵ Следовательно, Ахмат замыслил не просто очередной поход, а нашествие на Русь «такого масштаба и с такими целями, которые заставляли вспомнить времена Батыевой рати»⁵⁶. Именно на южных рубежах Русского государства решалась летом — осенью 1480 г. судьба Русской земли и ее народа».⁵⁷ Но, как говорит народная мудрость, «человек полагает, а Бог располагает»: дальше Угры, пограничной реки Литвы с Русью, хан не продвинулся, упершись в русский заслон. Состоялось знаменитое «стояние на Угре» 1480 г. («Угорщина»), завершившееся для него полной катастрофой, больше того — гибелью.

Надо, однако, сказать, что Ахмат, несмотря на свои амбиции, понимал, как уже отмечалось, недостаточность только собственных сил для победы над русскими. Ему опять-таки казалось, что обеспечить эту победу он может, заключив союз с польским королем, который, кстати сказать, то и дело подбивал хана к войне с Иваном. Вот и на этот раз Казимир говорил Ахмату: «Земля ныне Московская пуста. А со мною ныне [князь Иван] немирна же, и ты б ныне на него пошел, время твое, а яз нынеча за свою обиду с тобою же иду на него»⁵⁸. По рассказу летописца, «безбожный царь Ахмат порадовася тому и совет зол совещает с королем Казимером»⁵⁹.

«Момент для нашествия на Русь Ахмат выбрал чрезвычайно удачно. Все как будто складывалось в его пользу. На северо-западе Русь воевала с Орденом. Феодалный мятеж [братьев Ивана III] ослаблял силы Русского государства»⁶⁰. И все же Ахмат не был до конца уверен в своей силе⁶¹. Поэтому Большая Орда медленно

⁵⁵ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 84. См. также: Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. С. 34–35.

⁵⁶ В. Д. Назаров говорит о походе, скроенном «по меркам Батыева нашествия». — Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. С. 35.

⁵⁷ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 91.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 263.

⁵⁹ Там же. — У наших исследователей не вызывает сомнения факт заключения антирусского соглашения между Ахматом и Казимиром. См.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 94; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 85; Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 82; Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. С. 41; Борисов Н. С. Иван III. С. 426.

⁶⁰ Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. С. 122.

⁶¹ Там же. С. 132.

двигалась «по Дикому Полю. Ахмат не рассчитывал на эффект внезапности. Большое значение он придавал совместным действиям всех антирусских сил, своему союзу с Казимиром»⁶². Поэтому первоочередной задачей, стоявшей перед Ахматом и выдававшей его слабость, являлось соединение татар с польско-литовским войском. Этим определялся маршрут движения ордынцев — «соединиться было удобнее всего где-нибудь возле “литовского рубежа”. По данным В. Н. Татищева, Ахмед-хан послал паки к королю, чтобы на межах соединиться. Вологодско-Пермская летопись уточняла место и время соединения ордынского и польско-литовского войска: “на осень на усть Угры”. Низовье р. Угры действительно было очень удобным местом для встречи противников Ивана III. Из Литвы сюда вела прямая дорога, прикрытая со стороны московских владений Угрой. Ахмед-хан имел возможность подойти сюда, минуя Рязанское княжество, по окраинам литовских владений, что и было им сделано. Для ордынцев это был безопасный и удобный путь, который позволял достигнуть русских рубежей без потерь»⁶³. Однако все напрасно! Казимир на условленное место встречи не явился, ограничившись присылкой проводников. После неудачных попыток со стороны татар форсировать Угру началось стояние ордынских и русских войск на противоположных берегах реки. Ахмат все еще надеялся на приход Казимира и ждал, но не дождался. Зато дождался прихода лютых холодов, наступивших ранее обычного — на исходе октября. Ордынцы оказались не готовы к этим сюрпризам природы, по летописцу, «бяху бо татары нагы и босы, ободралися». Они не выдержали испытаний и... побежали в свои кочевья. Попутно беглецы в отместку Казимиру за неисполнение обещаний разоряли русские земли, так называемые «верховые княжества», находившиеся под польской юрисдикцией.

Летописцы называют причины, побудившие Казимира отказаться от присылки своего войска в помощь Ахмату: «король сам к нему (Ахмату) не поиде, ни силы своя не посла, понеже быша убо ему свои усобицы»⁶⁴; «тогда бо воева Минли Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую, служа великому князю»⁶⁵. «Таким образом, — заключает И. Б. Греков, — для летописца причины пассивности Казимира были очевидны: это диверсия Менгли-Гирея в Подолию и политические “усобицы” в самом Великом княжестве Литовском»⁶⁶. По мнению Ю. Г. Алексева, набег крымцев на Подолию не был серьезным ни по масштабам, ни по значению⁶⁷. Более существенным обстоятельством, повлиявшим на поведение Казимира, было, согласно предположению Ю. Г. Алексева, то, что летопись относит к разряду усобиц — «движение за воссоединение с Русским государством, охватившее русские земли в составе Литовского великого княжества (так называемый “заговор князей”)⁶⁸. Несколько иначе думал И. Б. Греков: «В 1480 г. Казимира остановили не его политическое убожество, не мелкие усобицы фамильно-династического характера, а пер-

⁶² Там же. С. 122.

⁶³ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 83.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 268; ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 328.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 328.

⁶⁶ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 192.

⁶⁷ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 104.

⁶⁸ Там же. С. 105.

спективы повторения в Поднепровье новгородских событий 1471 г.»⁶⁹. Есть, однако еще одна вещь, выдающая в Казимире «политическое убожество» — его трусость, засвидетельствованная польскими хронистами Яном Длугошем и Матеем Стрыйковским, по словам которых король боялся могущества «московского князя»⁷⁰. Едва ли можно возражать по поводу того, что это могущество Ивана III (а точнее сказать, могущество Русского единого государства времен Ивана) стало результатом не только его деятельности, но и деятельности сородичей великого князя, правивших до этого в Москве.

Оценивая успех Руси, Ю. Г. Алексеев говорил: «Стояние на Угре завершилось полным поражением Ахмата — военным, политическим и моральным. Осознание этого основного факта — крушения своего военно-политического плана в союзе с Литвой поставить на колени Русскую землю, крушения своих великодержавных амбиций, архаических по форме и реакционных по существу, и было, очевидно, главной причиной, заставившей Ахмата в первых числах ноября отказаться от продолжения похода против Русского государства и отвести Орду в южные степи. ... Итак, летне-осенняя кампания 1480 г. против Ахмата — яркая страница военной истории нашей страны. Еще более существенно, что на берегах Оки и Угры была одержана решающая политическая победа — фактически свергнуто ордынское иго, тяготевшее над Русью более двух столетий. Бескровная победа на Угре — крупнейшее событие эпохи, а воскресенье 12 ноября 1480 г. — первый день полностью независимого Русского государства — одна из важнейших дат в истории нашего Отечества».⁷¹ И еще: «Победа на Угре осенью 1480 г. относится к тем подлинно великим историческим феноменам, реальное значение которых с течением времени возрастает, и осознание их истинного смысла и масштабов приходит только впоследствии»⁷². Что легло в основу этой великой победы, что привело к ней?

Ю. Г. Алексеев дает, на мой взгляд, исчерпывающий ответ: «Основными факторами приведшими к победе на Угре, были прежде всего социально-экономические и политические предпосылки. Создание единого Русского государства на базе растущих и крепнущих экономических связей обеспечило возможность централизованного и целеустремленного военно-политического руководства, что сыграло важнейшую роль в критической ситуации лета — осени 1480 г. Русское государство 1480 г. располагало гораздо более мощными людскими и материальными ресурсами, чем союз князей во главе с Москвой за сто лет до этого. Если в русском войске на Куликовом поле отсутствовали полки многих княжеств, не поддерживавших по тем или иным причинам освободительную миссию Москвы, то в 1480 г. московское правительство имело реальную возможность распоряжаться людскими и материальными ресурсами всей Русской земли. Кроме полков, набранных на огромной территории, к этому времени сплотившейся непосредственно вокруг Москвы, в походе против Ахмата приняли участие и тверские полки, посланные по требованию

⁶⁹ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. С. 194.

⁷⁰ См.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 217.

⁷¹ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 114, 116.

⁷² Там же. С. 115. — Другой крупный исследователь средневековой Руси замечал: «Одержав победу на Угре, русский народ покончил с ненавистным иноземным игом. Знаменитое “стояние на Угре” явилось важнейшим рубежом в истории России» (*Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. С. 42).

великого князя — государя всея Руси»⁷³. К названным Ю. Г. Алексеевым факторам, приведшим к победе Руси на Угре, необходимо добавить огромный военный опыт, приобретенный русскими за более чем двухвековую борьбу с монголо-татарами, а также их героизм, выкованный в процессе этой борьбы.

Понятно, что все эти факторы возникли не в одночасье. Их появление растянулось во времени. И по мере того, как они становились реальностью, в умах властителей Руси оформлялось и крепло осознание мощи русского народа, способного покончить с иноплеменным игом. Не какими-то «переменами в восприятии иноземной власти в общественном сознании» были биты татары, на чем заикнулся А. А. Горский, а возросшей силой Москвы, ее ресурсами и воинством, с одной стороны, и ослаблением Золотой Орды, раздираемой противоречиями, приведшими ее к распаду на ряд враждующих между собой ханств, — с другой. Идеи Горского в данном случае следует отбросить как произвольные и потому несостоятельные.

Однако было бы несправедливо отрицать у него вообще наличие мыслей и наблюдений, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, признавать полностью или частично, которые нельзя лишать права на существование в качестве выражения авторской позиции. Это касается прежде всего политической сферы истории Руси. «К середине XIII в. на Руси, — полагает Горский, — существовала система государственных образований, в которую входили 8 земель, управлявшихся определенными ветвями княжеского рода Рюриковичей, и 5 земель, не закрепившихся за какой-либо ветвью. Внутри земель существовали более мелкие вассальные княжества. Сильнейшими землями были Черниговская, Волынская, Смоленская и Владимиро-Суздальская. Между их князьями шла с переменным успехом борьба за три «общерусских» стола — Киев, Новгород и Галич. Особенно острый характер она приобрела в 30-е гг., накануне Батыева нашествия в Южной Руси, приведя к ослаблению участвовавших в этой усобице княжеств — Черниговского и Смоленского. В Северо-Восточной Руси, чья территория не была затронута междоусобной войной, в канун нашествия положение было более стабильным (однако о политическом превосходстве или верховенстве Владимиро-Суздальского княжества в течение всего периода после установления феодальной раздробленности — с середины XII в. — говорить нет оснований). В перспективе без внешнего вмешательства политические процессы должны были, скорее всего, привести к постепенному формированию нескольких (2–3) крупных русских государств»⁷⁴.

Переходя к изучению путей развития Русских земель во второй половине XIII–XIV вв., А. А. Горский задается вопросом, «внесло ли нашествие Батыев деструктивные изменения в существующую на Руси политическую структуру, построенную на сочетании «родовых» и «общерусских» земель-княжений, или разные пути и судьбы земель были следствием исключительно внутренних процессов»⁷⁵. Анализ летописного материала убедил его в том, что «в период после нашествия Батыев резко снижается интерес летописцев к «чужим землям», что отражает ослабление «межземельных» связей в этот период. Исключение составляют связи Северо-Восточной Руси с Новгородом, Смоленском и Рязанью. Ослабление связей происходит не

⁷³ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 115.

⁷⁴ Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 104.

⁷⁵ Там же. С. 76.

постепенно, а резко — перелом отмечается в сравнении второй половины XIII в. с первой, притом что между второй половиной XIII и XIV в. разницы практически нет»⁷⁶. Следовательно, «именно нашествие является резкой гранью, после которой можно говорить об ослаблении политических связей между различными регионами Руси»⁷⁷.

А. А. Горский видит две причины такого ослабления: 1) «в условиях военного разорения и складывания системы ордынской эксплуатации необходимым стало сосредоточение общественного внимания на внутренних делах земель»; 2) «Батыево нашествие привело к прекращению борьбы за “общерусские” княжения, которая во многом стимулировала межземельные связи»⁷⁸. Кроме того, «нашествие если не стало причиной закрепления Новгорода за суздальскими, а Галича — за волынскими князьями, то во всяком случае значительно ускорило это закрепление: другие князья утратили возможность бороться за эти столы как из-за занятости внутренними делами своих земель, так и в силу перехода верховного сюзеренитета над русскими княжениями к Орде. С нашествием следует связывать и утрату интереса сильнейших князей к Киеву»⁷⁹. «Итак, — заключает Горский, — воздействие монголо-татарского нашествия и ордынского ига на политическую систему Руси следует признать значительным. Именно им во многом объясняется усиление обособленности русских земель путей их развития»⁸⁰. С этим выводом историка необходимо согласиться, тем более что он имеет под собой достаточно прочную историографическую основу, являясь развитием идей предшествующей исторической науки.

Заслуживают внимания и другие, более частные наблюдения А. А. Горского. Так, по его мнению, «развитие Северо-Восточной Руси (и Новгородской земли) после нашествия было относительно менее неблагоприятным, чем у других крупных земель — “коэффициент восстанавливаемости” поселений здесь значительно выше»⁸¹. Отсюда логичное предположение: «По-видимому, именно во второй половине XIII — начале XIV в. начинают закладываться предпосылки относительного (в сравнении с другими землями) усиления Северо-Восточной Руси»⁸². Причем Горский не находит оснований полагать, «что это было обусловлено большим могуществом Владимиро-Суздальского княжества еще в домонгольскую эпоху»⁸³. К сожалению, автор отходит от заявленного принципа, когда рассуждает о политических причинах «того факта, что именно Северо-Восточная Русь стала основой для формирования нового российского государства», утверждая, будто причины эти «нужно искать в явлениях и событиях кануна нашествия и середины XIII–XIV вв.»⁸⁴. Сказывалась тут, по всей видимости, сила притяжения идей предшественников ученого, находивших в домонгольской Руси многое из того, что получило развитие во времена ордынского господства. С этой позиции Горский рассматривает и явление полицентрично-

⁷⁶ Там же. С. 84.

⁷⁷ Там же. С. 85.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 85–86.

⁸⁰ Там же. С. 86.

⁸¹ Там же. С. 90.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

сти в истории древнерусской государственности, получившее якобы *искусственное ускорение* с приходом татар и сопровождавшееся «ослаблением русских княжеств в результате разорительных походов, экономической эксплуатации и установления политического контроля над ними со стороны Золотой Орды. Сложился своего рода “недозревший” государственный полицентризм на “ослабленном уровне”»⁸⁵. Рассуждая о тенденции, противоположной полицентричности, а именно о тенденции центростремительной, историк отмечает отрицательное воздействие завоевателей: «Тяжесть ордынского ига, разорительность татарских походов, политика ханов, направленная на недопущение усиления одного из князей за счет других, служили негативными факторами, сдерживающими центростремительные тенденции в Северо-Восточной Руси»⁸⁶. Эти «центростремительные тенденции» А. А. Горский, кажется, не находит в домонгольской Руси: «В историографии распространено суждение, будто Северо-Восточная Русь была центром объединения в домонгольскую эпоху, и в качестве князей, ведших якобы политику “централизации”, называются Андрей Боголюбский и Всеволод Юрьевич. Для этого нет ни малейших оснований. Ни тот, ни другой никаких русских “земель” к Суздальской не присоединяли и не пытались этого сделать»⁸⁷. Тут Горский, на мой взгляд, прав, хотя и смешивает политику централизации с политикой присоединения, или объединения земель. Прав он в том, что *политика объединения* суть явление, возникшее за хронологической гранью домонгольской Северо-Восточной Руси, т. е. в условиях иноземного владычества, будучи направлено исторически против этого владычества.

А. А. Горский затронул очень важную для осмысления истории Северо-Восточной Руси и вообще России тему, связанную с личностью Александра Ярославича Невского. «Александр Невский — герой или коллаборационист» — так ставит вопрос А. А. Горский, откликаясь тем самым на приобретшие ныне широкое распространение в либеральных кругах, враждебных России и всему русскому, негативные аттестации деятельности Александра. Как и следовало ожидать, исследователь коснулся историографической стороны дела. «Если официальная (светская и церковная) оценка личности Александра Невского всегда была панегирической, — говорит он, — то в исторической науке его деятельность трактовалась неоднозначно. И эта неоднозначность естественно вытекает из видимого противоречия в образе Александра. В самом деле, с одной стороны, это несомненно выдающийся полководец, выигравший все сражения, в которых участвовал, сочетавший решительность с расчетливостью, человек большой личной храбрости, с другой — это князь, вынужденный признать верховную власть иноземного правителя, не попытавшийся организовать сопротивление бесспорно самому опасному врагу Руси той эпохи — монголам, более того, способствовавший им в установлении системы эксплуатации русских земель. Одна из крайних точек зрения на деятельность Александра, сформулированная в 20-е гг. русским историком-эмигрантом Г. В. Вернадским, а в последнее время в основном повторенная Л. Н. Гумилевым, сводится к тому, что Александр сделал судьбоносный выбор между ориентацией на Восток и ориентацией на Запад. Пойдя на союз с Ордой, он предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас русское православие — основу са-

⁸⁵ Там же. С. 105.

⁸⁶ Там же. С. 97–98.

⁸⁷ Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 92–93.

мобытности. Согласно другой крайней точке зрения, отстаиваемой английским историком Дж. Феннелом и поддержанной российским исследователем И. Н. Данилевским, именно “коллорабационизм” Александра по отношению к монголам, предательство им братьев Андрея и Ярослава в 1252 г. стали причиной установления на Руси ига Золотой Орды»⁸⁸.

Итак, вопрос: «был ли действительно сделан Александром исторический выбор и может ли один и тот же человек быть и героем, и коллаборационистом-предателем?»⁸⁹ Свой ответ А. А. Горский переносит в идеалистическую плоскость, относящуюся к мировоззрению людей той поры. «При условии учета менталитета изучаемой эпохи и особенностей личной биографии Александра, — утверждает историк, — обе названные точки зрения выглядят надуманными. Сюзеренитет Орды в силу определенных причин... сразу же приобрел в мировоззрении русских людей некое подобие легитимности; ее правитель именовался на Руси более высоким титулом, чем любой из русских князей — титулом “царя”».⁹⁰ Можно подумать, что титул *царь* оказывал на завоеванных Ордой русских какое-то магическое воздействие.

Упражнения с “легитимностью” власти ордынских ханов, а также игра с титулом “царь” представляются столь же надуманными, как и взгляды историков, упомянутые А. А. Горским. Из того, что хана называли *царем*, вовсе не следует легитимность ханской власти на Руси и рабская покорность русских князей носителю царского титула, каковым являлся ордынский правитель. Ничего подобного Русь не знала. И всякие изобретения на сей счет есть кабинетные выдумки, — так сказать, фантазии за письменным столом. Вспомним, что Ивана III нарративные источники, отражающие мировоззрение «изучаемой эпохи», и дипломатические документы, фиксирующие политические реалии той же эпохи, постоянно называли *великим князем*, а хана Ахмата и других ханов орд распавшейся Золотой Орды именовали *царями*. Однако это не помешало русскому люду стать непреодолимой стеной на пути татар, а Ивану решительно отринуть власть *царя* Ахмата, добиваясь свержения татаро-монгольского ига.

Соображения А. А. Горского становятся убедительнее, когда он из субъективной мировоззренческой сферы переходит на почву объективной реальной политики. Александр, полагает исследователь, оказался перед выбором: «поддерживать мирные отношения с Ордой, признавая верховный сюзеренитет ханов над Русью (уже признанный к этому времени всеми значительными князьями как Северной, так и Южной Руси), и противостоят Ордену, либо начать сопротивление татарам, заключив союз с Орденом и стоящим за ним религиозным главой католической Европы — папой (перспектива войны на два фронта князю, большую часть жизни проведенному в Новгороде, близ орденской границы, должна была казаться неприемлемой, и вполне справедливо)»⁹¹. Надо было принимать окончательное решение, как того требовала жизнь. Князь между тем колебался вплоть «до возвращения из поездки в Каракорум и твердо выбрал первый вариант только в 1250 году.

⁸⁸ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...» Личности и ментальность русского средневековья: очерки. С 54–55.

⁸⁹ Там же. С. 55.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 56.

Чем было обусловлено решение Александра? Разумеется, следует учитывать общее настроенное отношение к католицизму и личный опыт Александра, которому в 1241–1242 гг., в возрасте 20 лет пришлось отражать наступление на Новгородскую землю немецких крестоносцев, поддерживаемых Римом. Но эти факторы действовали и в 1248 г., тем не менее тогда ответ Александра на послание папы был иным. Следовательно, чашу весов в сторону неприятия какого-либо шага навстречу предложениям папы склонило нечто, проявившееся позже. Можно полагать, что свое воздействие оказали четыре фактора: 1. В ходе своей двухгодичной поездки по степям (1247–1249 гг.) Александр смог, с одной стороны, убедиться в военной мощи Монгольской империи, а с другой — понять, что монголо-татары не претендуют на непосредственный захват русских земель, довольствуясь признанием вассалитета и данью, а также отличаются веротерпимостью и не собираются посягать на православную веру. Это должно было выгодно отличать их в глазах Александра от крестоносцев, для действий которых в Восточной Прибалтике был характерен непосредственный захват территории и насильственное обращение населения в католичество. 2. После возвращения Александра на Русь в конце 1249 г. до него должны были дойти сведения о том, что сближение с Римом сильнейшего князя Южной Руси Даниила Романовича Галицкого оказалось безрезультатным для обороны от татар: обещанный папой антитатарский крестовый поход не состоялся. 3. В 1249 г. фактический правитель Швеции ярл Биргер начал окончательное завоевание земли эми (Центральная Финляндия), причем сделано это было с благословения папского легата. Земля эми издревле входила в сферу влияния Новгорода, и Александр имел основания расценить произошедшее как недружественный по отношению к нему акт со стороны курии. 4. Упоминание в булле от 15 сентября возможности учреждения в Пскове католической епископской кафедры неизбежно должно было вызвать у Александра отрицательные эмоции, так как ранее епископия была учреждена в захваченном немцами Юрьеве, и поэтому предложение о ее учреждении в Пскове ассоциировалось с аннексионистскими устремлениями Ордена, напоминая о более чем годичном пребывании Пскова в 1240–1242 гг. в руках крестоносцев».⁹²

На основании всех этих положений А. А. Горский приходит к верному выводу о том, что «решение Александра прекратить контакты с Иннокентием IV было связано с осознанием бесперспективности сближения с Римом для противостояния Орде и с явными проявлениями своекорыстных мотивов в политике папы»⁹³. Я бы сказал еще определеннее: сближение с западным католическим миром несло с собою гибель русской государственности, как это вскоре произошло в Юго-Западной Руси. Поэтому историческая заслуга Александра Невского перед потомками состоит в том, что он в опаснейших условиях иноземного ига и наступления католического Запада на наши земли сохранил (а по существу спас) Русское государство и Русскую православную церковь, тем самым обеспечив великое будущее России и ее народа.

Не следует думать, будто в данном случае он действовал неосознанно, почти рефлекторно реагируя на возникающие обстоятельства текущей жизни, как это хочет изобразить А. А. Горский: «в целом можно констатировать, что в действиях Александра нет оснований искать какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он

⁹² Там же. С. 56–57.

⁹³ Там же. С. 57.

был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь по-современному, “прагматиком”: он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично. Когда это был решительный бой, он давал бой; когда наиболее выгодным казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение. В результате в период великого княжения Александра (1252–1263) не было татарских набегов на Суздальскую землю и были всего две попытки нападения на Русь с запада (немцев в 1253 г. и шведов в 1256-м), быстро пресеченные. Александр добился признания Новгородом сюзеренитета великого князя Владимирского (что стало одним из факторов, благодаря которым именно Северо-Восточная Русь превратилась позже в ядро нового Российского государства). Предпочтение им владимирского стола киевскому было решающим событием в процессе перехода номинальной столицы Руси из Киева во Владимир (так как оказывалось, что именно Владимир был избран в качестве столицы князем, признанным “старейшим” на Руси). Но эти долгосрочные последствия политики Александра Невского не были следствием того, что он изменил объективный ход исторических событий; напротив, Александр действовал в соответствии с объективными обстоятельствами своей эпохи, действовал расчетливо и энергично»⁹⁴.

Сама постановка вопроса, к которой прибегает Горский, характеризуя Невского («в действиях Александра нет оснований искать какой-то осознанный судьбоносный выбор»), в корне, как мне кажется, неверна, поскольку, согласно понятиям века, судьбами людей, стран и государств управляет Бог, а «пути Господни неисповедимы». Александр, будучи религиозным человеком, верил тому беспрекословно. Поэтому не надо искать в его действиях то, чего не было и не могло быть — «судьбоносный выбор». Иное дело «осознанный выбор», правильный или неправильный. Александр Невский обладал огромной интеллектуальной способностью и чутьем находить исторически правильный выбор, в чем прежде всего и заключается его величие как деятеля русской истории. Перед нами замечательная личность — великий полководец, выдающийся политик, государственный деятель и дипломат, одухотворенный любовью к Христу и Отечеству. Жаль, что А. А. Горский не увидел в делах Александра ничего другого, кроме голого «прагматизма» и личной выгоды. Возможно, этим он решил подыграть “либеральной общественности”, которая на протяжении последних десятилетий настойчиво пытается дегероизировать образ Александра Невского, превратить великого князя в заурядную личность, совершившую роковую политическую ошибку, пойдя на сближение с деспотическим Востоком, а не с просвещенным Западом. Еще явственнее обнаружилось подобного рода подыгрывание в недавних высказываниях Горского по вопросу о монголо-татарском иге на Руси.

В своей книге *«Средневековая Русь. О чем говорят источники»* он поместил главу с красноречивым названием *«Русь и Орда: было ли “иго”»?* В самом вопросе уже заложена неуверенность автора в реальности ига. Эта неуверенность подкрепляется кавычками, сопровождающими данное слово. Она усиливается и зачином главы: «После двух походов на Русь войск Монгольской империи во главе с внуком ее основателя Чингисхана Бату (по-русски — Батый), имевших место в 1237–

⁹⁴ Там же. С. 60–61.

1241 годах, русские земли оказались в зависимости от монгольских ханов. ... Зависимость выражалась, во-первых, в утверждении ханами князей на их столах путем выдачи грамот — *ярлыков* на княжение, во-вторых, в выплате дани — *выхода*, а также ряда других поборов, в-третьих, в обязанности оказывать монголам военную помощь»⁹⁵. Что касается составляющих элементов «зависимости», то следовало бы, по-видимому, на первое место поставить выплату «дани — *выхода*, а также других поборов», поскольку главным для монголов-завоевателей являлся грабеж, т. е. насильственное принуждение населения завоеванных стран к уплате разного рода платежей⁹⁶. Утверждение же князей на столах ханами играло подсобную роль, служило одним из средств выколачивания дани из покоренных жителей русских земель. Однако не в этом для нас сейчас главное. Оно заключается в том, что Горский вместо привычного термина *иго* употребляет расплывчатое слово *зависимость* и затем пытается обосновать необходимость этой замены. Придется привести пространную выдержку из книги автора, чтобы избежать возможных упреков в неточностях или искажениях его мыслей.

«В современном российском массовом сознании тема монгольского нашествия XIII века и последующих отношений Руси с Ордой является, несомненно, одной из вызывающих наибольший интерес и сильный эмоциональный отклик. Не так давно автор этих строк участвовал в составлении так называемого “историко-культурного стандарта” для планируемого “единого” учебника истории и поместил туда формулировку, заурядную с точки зрения профессиональных историков, не отличающуюся никакими новациями: “Система зависимости русских земель от ордынских ханов”. Следствием стал настоящий информационный взрыв — в СМИ и в Интернете. При этом оценки звучали полярно противоположные. Более всего было откликов в духе: почему исчезло “татаро-монгольское иго”? С легкой руки некоторых СМИ пошло гулять утверждение, будто такое словосочетание поначалу в “стандарте” присутствовало, но было де заменено по настоянию татарских историков из Казани. Но встречались и абсолютно иные суждения: правильно, что “иго” не упомянуто, так как никакого ига не было! (И далее следовали в лучшем случае тезисы в духе Л. Н. Гумилева о благотворном союзе Руси и Орды, в худшем — околесица из сочинений Фоменко и К о том, что Русь и Орда — одно и то же). При всей противоположности приведенных откликов, они совпадают в принципиальном подходе: смешиваются термин и явление, им описываемое. Большинство современных исследователей не применяют термин “иго” или употребляют его в кавычках. Данную характеристику русско-ордынских отношений неверно представлять себе как принадлежащую современникам событий. Впервые она встречается (в латинской форме — *igum*) у польского хрониста Я. Длугоша под 1479 годом, в России же появляется только в XVII столетии. У современников встречаются разные эмоционально окрашенные оценки гнета со стороны Орды: “томление”, “насилье”, “неволя”,

⁹⁵ Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 118.

⁹⁶ Это положение не противоречит другому высказыванию Горского о системе «власти Орды над русскими землями, основными проявлениями которой были взимание дани (с XIV в. она обозначалась термином “выход”) и право ордынского хана (именуемого на Руси “царем”) утверждать русских князей на их столах путем выдачи ярлыков на княжение» (Горский А. А. Москва и Орда. С. 11). Данная последовательность составных частей власти Орды над Русью есть отражение подлинной исторической действительности, и потому ее нельзя перетасовывать (в одном случае — так, в другом — эдак), как это делает Горский, пренебрегая научной строгостью.

“работа” (в смысле “рабство”), но универсального понятия нет. Поэтому для учебника предпочтительнее современное научное определение. При взгляде со стороны Орды это “система власти над русскими землями”, при взгляде со стороны Руси — “система зависимости русских земель”. Поскольку в центре внимания в учебнике будет история русской государственности (по причине ее прямой преемственности с современной российской государственностью), был выбран именно второй вариант. Но если термин “иго” не встречается у современников событий и не годится как научное понятие, это, разумеется, не значит, что не было явления, которое им долго традиционно обозначали. Зависимость имела место и осознавалась людьми той эпохи как тяжелая... Другое дело, что далеко не все здесь ясно. В науке изучались в первую очередь политические отношения русских земель и Орды. Сама же система властвования, ее институты, экономическая сторона исследованы много меньше. Причина — относительная бедность сведений источников. Определенная ясность существует только по поводу одного проявления зависимости — утверждения ханами русских князей на их столах путем выдачи ярлыков. Что касается системы податей, функций ордынских должностных лиц — здесь исследователи, как правило, вынуждены ограничиваться общими суждениями»⁹⁷. Комментируя свою фразу — «большинство современных исследователей не применяют термин “иго” или употребляют его в кавычках», Горский в качестве примера приводит собственные книги, т. е. в подтверждение своих заявлений ссылается сам на себя, не замечая, вероятно, забавности используемого приема. Однако поговорим о доводах А. А. Горского относительно целесообразности замены традиционного термина *иго*, четкого и ясного, неопределенным и расплывчатым словом *зависимость*.

Заслугу этой замены он приписывает себе, повествуя в простоте душевной, при каких обстоятельствах это произошло. Оказывается, его пригласили участвовать в составлении *историко-культурного стандарта* для *единого* школьного учебника истории («какая радость, честь какая!»). Хорошо, однако, известно, что подобного рода документы создаются в соответствии с установками, спускаемыми сверху, нередко конъюнктурными и весьма далекими от запросов исторической науки⁹⁸. Стало быть, Горский выполнил заказ, придумав неопределенную *систему зависимости русских земель* вместо *ига* (как угодно: татаро-монгольского, монголо-татарского, татарского, монгольского, ордынского и т. п.)⁹⁹. Не знаю, как думают другие, но мне кажется, было бы лучше об этом умолчать и не афишировать свою ангажированность, не украшающую ученого.

Важным аргументом для Горского является тот факт, что термин *иго* не встречается у русских современников, а фигурирует впервые у польского хрониста Яна Длугоша, который писал о свержении Иваном III «варварского ига» (1479), тогда как в России этот термин «появляется только в XVII столетии». Надо полагать, что

⁹⁷ Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 119–120.

⁹⁸ Видимо, поэтому круг непосредственных составителей *Стандарта*, возглавляемых извилистым академиком А. Г. Чубарьяном, был ограничен столичными историками РАН и МГУ («междусобойчик!»), послушными мановениям власти. Показательно, что исторический факультет СПбГУ оказался в стороне от составления *Стандарта*, несмотря на наличие в его коллективе известных специалистов (Ю. Г. Алексеев, Ю. В. Кривошеев и др.) по истории русско-монгольских отношений.

⁹⁹ В *Стандарте* фигурируют такие выражения, как «система зависимости русских земель от ордынских ханов», «так называемое ордынское иго», «падение ордынского владычества» (1480), «ордынский период русской истории».

Длугош, непосредственно наблюдавший за событиями в Восточной Европе XV в. и осведомленный по части русско-татарских отношений основательнее, чем Горский и ему подобные «новаторы», знал что говорил. Но дело даже не в этом. Суть вопроса в терминологическом и понятийном аппарате современного историка. Нашим предкам, жившим в Московской Руси, не были, конечно, известны такие термины, как, скажем, *феодализм*, *иммунитет*, *сюзеренитет*, *вассалитет*, *суверенитет* и множество прочих, которыми пользуются нынешние историки (в том числе и Горский), изучая те далекие времена. Оно и понятно, ибо современному историку вовсе не важно, знакомы ли были людям далекого прошлого те или иные слова, ставшие ныне научными терминами. Главное для него, насколько глубоко, полно и всесторонне отражает существо исследуемого явления прошлого тот или иной термин, принятый сейчас в исторической науке. Возникает вопрос: что же представляет собою явление *русско-ордынские отношения*, за которым в историографии закрепилось наименование *татаро-монгольское (монголо-татарское) иго*? Это — долгое (более двухсот лет), принудительное, опирающееся на грубую силу и военный террор изъятие из русского общества материальных ценностей, людских и финансовых ресурсов, изъятие, унижавшее достоинство наших пращуров, изнурявшее силы Руси материально, духовно и нравственно. Отсюда другой вопрос: что адекватнее данному явлению — четкий и ясный термин *иго*, обозначающий *угнетающую, порабощающую силу*¹⁰⁰, или расплывчатые наборы слов: *система зависимости русских земель от ордынских ханов*; *система зависимости русских земель*? Для объективно настроенного исследователя тут нет проблемы, и он, безусловно, предпочтет понятие *иго* некой бесформенной *системе зависимости* (пусть даже, по выражению Горского, «тяжелой») и вряд ли увидит в ней «современное научное определение».

Не берусь судить, осознает ли А. А. Горский, что следует из его заявления, будто термин *иго* «не годится как научное понятие», отражающее реальную историческую действительность. Из этого следует, что ига на Руси не было, как не было и борьбы с ним. А это, в свою очередь, означает, что не было и того периода в нашей истории, когда русский народ, проявив необыкновенную жизнестойкость, выносливость, терпение, мужество и героизм, стряхнул в конце концов с плеч страшный вековой гнет иноплеменного порабощения. Так Горский примкнул к «либеральной общественности», занятой дегероизацией русской истории, перечеркнул один из наиболее ярких героических периодов русской истории. Перед нами, кроме того, свидетельство, говорящее о мировоззрении тех, кому высшие российские инстанции доверили составление «историко-культурного стандарта».

А. А. Горский стремится придать этническую безликость *системе зависимости русских земель*. По его словам, «эпитет (!) “монголо-татарское” (или “татаро-монгольское”) фактически вышел из употребления ранее, поскольку неуклюжесть такого двойного определения очевидна; в научных работах конца прошлого века предпочиталось словосочетание “ордынское иго”»¹⁰¹. За этим следуют ссылки на книги Ю. Г. Алексеева («*Освобождение Руси от ордынского ига*») и В. Д. Назарова («*Свержение ордынского ига на Руси*»). В результате Горский попал в комическое положение, призвав на помощь историков, которые признают историческую ре-

¹⁰⁰ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 204.

¹⁰¹ Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 203.

альность именно ига, отрицаемого А. А. Горским, и пользуются термином *ига* без каких-либо оговорок и кавычек. Да и сам Горский, по правде сказать, запутался в терминологии. В его публикациях последних лет, в том числе совсем недавних, встречаем некую мешанину обозначений: *ига* в кавычках¹⁰², *ига* без кавычек¹⁰³, *ордынское иго*¹⁰⁴, *ордынское иго* в кавычках¹⁰⁵, *ордынская зависимость*¹⁰⁶ и т. п. Это говорит о незрелости идей историка, касающихся центральной проблемы русско-монгольских отношений времен господства Орды над Русью. А если говорить на чистоту — перед нами вольная ли невольная дегероизация русского народа времен монголо-татарского ига, не отличающаяся в принципе от переписывания истории России XX в. (в частности, истории Великой Отечественной войны). И Горскому следовало бы, пожалуй, задуматься над последствиями подобных «изысканий» для его репутации как серьезного ученого...

References

- Alekseev Yu.G. *Gosudar' vseia Rusi*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 240 p. (In Russian)
- Alekseev Yu.G. *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga*. Leningrad, Nauka Publ., 1989, 219 p. (In Russian)
- Alekseev Yu.G. *Pokhody russkikh voisk pri Ivane III*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2007, 464 p. (In Russian)
- Bazilevich K. V. *Vneshniaia politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraia polovina XV veka*. Moscow, Territoria Publ., 2001, 542 p. (In Russian)
- Borisov N. S. *Ivan III*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2000, 644 p. (In Russian)
- Gorskii A. A. "Vsego ispolnena zemlia russkaia..." *Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ia. Ocherki*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001, 176 p. (In Russian)
- Gorskii A. A. *Moskva i Orda*. Moscow, Nauka Publ., 2016, 214 p. (In Russian)
- Gorskii A. A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiia*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, 192 p. (In Russian)
- Gorskii A. A. *Srednevekovaiia Rus'. O chem govoriat istochniki*. Moscow, Lomonosov Publ., 2016, 216 p. (In Russian)
- Grekov I. B. *Ocherki po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii Vostochnoi Evropy XIV–XVI vv.* Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1963, 376 p. (In Russian)
- Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii*. St. Petersburg, IUNA Publ., 1992, 268 p. (In Russian)
- Gumilev L. N. *Chernaia legenda. Druz'ia i nedrugi Velikoi stepi*. Moscow, EKOPROS Publ., 1994, 621 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhaviia*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)
- Povaiskii D. I. *Sobiratel'i Rusi*. Moscow, Charli Publ., 1996, 544 p. (In Russian)
- Kargalov V. V. *Konets ordynskogo iga*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 154 p. (In Russian)
- Karger M. K. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda*. Vol. I. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, 580 p. (In Russian)
- Krivoshchev Iu. V. *Rus' i mongoly. Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoi Rusi XII–XIV vv.* St. Petersburg, Akademiia issledovaniia kul'tury Publ., 2015, 452 p. (In Russian)

¹⁰² Горский А. А.: 1) «Всего еси исполнена земля русская...» Личности и ментальность русского средневековья: очерки. С. 32; 2) Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 123, 143, 158, 167, 169, 171, 204.

¹⁰³ Горский А. А.: 1) «Всего еси исполнена земля русская...» Личности и ментальность русского средневековья: очерки. С. 55; 2) Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 123–124, 129, 135, 144; 3) Москва и Орда. С. 146; 4) Русские земли в XIII–XIV веках... С. 75–76.

¹⁰⁴ Горский А. А.: 1) «Всего еси исполнена земля русская...» Личности и ментальность русского средневековья: очерки. С. 68; 2) Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 123, 129, 166; 3) Русские земли в XIII–XIV веках... С. 86, 97.

¹⁰⁵ Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 155.

¹⁰⁶ Там же. С. 168.

- Krivosheev Iu.V. *Sobrannoe*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2010, 648 p. (In Russian)
- Nazarov V.D. *Sverzhenie ordynskogo iga na Rusi*. Moscow, Znanie Publ., 1983, 64 p. (In Russian)
- Penzev K. A. *Russkii tsar' Bati*. Moscow, Algoritm Publ., 2012, 380 p. (In Russian)
- Penzev K. A. *Rus' tatarskaia: Igo, kotorogo ne bylo*. Moscow, Algoritm Publ., 2013, 269 p. (In Russian)
- Rogov A. I. *Russko-pol'skie kul'turnye sviazi v epokhu Vozrozhdeniia*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 310 p. (In Russian)
- Skrynnikov R. G. *Na strazhe moskovskikh rubezhei. Osvoboditel'naia bor'ba russkogo naroda XIV–XVII vv.* Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1986, 336 p. (In Russian)
- Solov'ev S. M. *Sochineniia. Kniga 3: Istoriiia Rossii s drevneishikh vremen*. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 783 p. (In Russian)
- Shirokorad A. B. *Rus' i Orda*. Moscow, Publ. House "Veche", 2004, 496 p. (In Russian)
- Shirokorad A. B. *Tatary i russkie v edinom stroiu*. Moscow, Publ. House "Veche", 2012, 368 p. (In Russian)
- Shliakhtorov A. G. *Kak Zolotaia Orda ozolotila Rus'. Ne ver'te lzhi o "tataro-mongol'skom" i'ge*. Moscow, Iauza Publ., 2014, 410 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 августа 2017 г.
Рекомендована в печать 28 декабря 2017 г.